

«ОПЕРАЦИЯ ТИК-ТАК» НА МАНУФАКТУРЕ TAG HEUER ПОБЫВАЛ АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

__ Мануфактура
в Ла-шо-де-Фоне

__ Новорожденные
часы испытывают
водой в специальной
купели

__ Производство
в Ла-шо-де-Фоне —
образец соединения
компьютерной техни-
ки и микроэлектрони-
ки с настоящим,
традиционным
handmade

__ Механизм 1887
маркирован
TAG Heuer

__ TAG Heuer
Carrera 1887
Chronograph —
часы с новым
мануфактурным
механизмом 1887,
которые в прошлом
году получили глав-
ный приз Grand Prix
d'Horlogerie de Geneve
в категории La Petite
Aiguille — «Маленькая
стрелка»

Породистые швейцарские марки гордятся званием «мануфактура» — все делаем сами, все делаем руками. При этом молчаливо подразумевается, что полработы все равно делают машины, — никому в здравом уме не придет в голову усаживать дорогостоящих часовщиков выпиливать лобзиком стрелки. В этом смысле мануфактура TAG Heuer в Ла-Шо-де-Фон, на которой я побывал, кажется мне образцом симбиоза человека и робота.

На мануфактуре собирают новый тагхоеровский калибр 1887. Механизмы, установленные в особый футляр, перемещаются от одного часовщика к другому по конвейерной ленте, напоминающей трек для игрушечных автомобилей. В определенный момент механизм оказывается перед определенным мастером и сам занимает место на его рабочем столе для очередной операции, в которой нужны квалифицированные человеческие руки. Путешествие механизмов контролирует компьютер, и — тоже как на гонках — перемещения, операции и число пришедших к финишу отображается на табло. Основной принцип — не нарушать плавность очереди. Чем раньше механизм уходит в работу, тем раньше он должен быть закончен, чтобы нанесенная смазка не сохла лишние доли секунды.

— Я запускаю маятник, после меня часы уже ходят, — говорит мне часовщик. — Это я называю «операция тик-так». После первого тик-так ожившие часы передвигаются под двойным контролем, как новорожденные младенцы. К их дыханию прислушиваются, их движения отслеживают. Машина вертит механизм и смотрит, как он функционирует в пяти возможных позициях. Другая машина выслушивает тиканье. Точнее, высматривает. Еще совсем недавно качество хода определяли по звуку в течение минуты тишины. Сейчас часы выслушивают беззвучно — лазер измеряет движение маятника, это уменьшает время контроля до 15 секунд.

Коробочки с механизмами собираются в конце линии в контейнерах-кассетах, похожих на рожки «калалашника», в зависимости от достигнутых качеств. В этих кассетах они переходят с одной линии на другую в строго определенное время. Никто из часовщиков не тратит время на то, чтобы перенести отдельный механизм с одного сборочного стола на другой. Каждый механизм приходит к выписке с полным набором анализов. В 90%

случаев они идеальны, но если выявлены расхождения с эталоном, коробочка отправляется к диагностам, которые должны исправить работу системы, это, во-первых, и, во-вторых, и в главных, вовремя понять причину. Неисправимых нет. А если проблема не решается разборкой-сборкой, это сигнал присмотреться к истории, не виновата ли в расхождениях какая-нибудь деталь из пришедших в сборочный цех. Благо все ходы записаны, и мастера этой испытательной линии способны проследить родословную любого из составляющих механизма 1887. Смысл в том, что каждой операции монтажа соответствовала проходящая тут же одновременно операция контроля. Когда показатели механизма вновь оказываются в зеленой зоне, он возвращается в лоток отличников. Однако ему предстоит конечный контроль, и он отделен от сборки. Часы должны стартовать от нуля и прошагать 24 часа, не забжав вперед и не отстав. Здесь вымеряется точность хода. Это все-таки не кварц, а механика, и она не может быть идеальной. Есть границы допустимых расхождений, до нескольких секунд в сутки, и часы обязаны в эти пределы уложиться. Потом проверяется качество корпуса часов. Сначала герметичность испытывают в воздушной среде, потом часы помещают под воду — в корзинах, похожих на тех, в которых выращивают устрицы, — и поднимают давление. Прошедшие испытание водой часы затем высушивают при 40 градусах, проверяя, не появится ли на стекле конденсат — сигнал того, что в механизм попала влага.

Нескольким экземплярам из каждой серии приходится отправляться в часовую камеру пыток — на краш-тесты. Здесь специальные машины, разработанные в TAG Heuer, всячески мучают часы: бьют их об камень, имитируя падение, рвут ремешки, садистски крутят кольца циферблата. Из печки тропического климата часы переключаются в арктический морозильник, а потом переносят обратно, часами травят соленым туманом, чтобы проверить на коррозию.

Это совсем новый вариант часового производства. Как когда-то фордовский конвейер изменил тип работы и работника, так и эта организация процесса меняет образ часовщика. Грозит ли это потерей «мануфактурности»? Ничуть. Создатели компьютера говорили когда-то, что их цель вовсе не в том, чтобы отправить человека с его несовершенствами на свалку. Их задача — заставить машину делать то, что должна делать машина, и оставить человеку лучшее, человеческое.